

Линниченко Иван Андреевич

**Малорусский вопрос и
автономия Малороссии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Андреевич Л.**
Малорусский вопрос и автономия Малороссии / Линниченко Иван Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 42 с.

ISBN 978-5-519-93519-7

ISBN 978-5-519-93519-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Малорусскій вопросъ и автономія Малороссіи.

(Открытое письмо проф. М. Грушевскому).

20 лѣтъ тому назадъ я въ моей вступительной лекціи въ Московскомъ Университетѣ коснулся вопроса объ объемѣ понятія русской исторіи.

Я высказалъ слѣдующія соображенія:

«Въ извѣстныхъ случаяхъ мы съ гордостью повторяемъ, что Русь вездѣ, отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ Бѣлаго моря и до отдаленныхъ уголковъ Карпатскихъ горъ. Но лишь только дѣло зайдетъ объ опредѣленіи основныхъ чертъ русскаго характера, національно-русскихъ учреждений, тотчасъ начинаемъ бросать за бортъ однихъ Русскихъ за другими, вычеркиваемъ одинъ періодъ за другимъ изъ нашей исторіи и въ концѣ концовъ безконечно суживаемъ Русь и территоріально и исторически, и принимаемся смотрѣть на вопросъ съ исключительной точно извѣстной мѣстности и извѣстнаго времени, черты временныя возводимъ къ общимъ началамъ русскаго духа, учрежденія вызванныя исторической необходимостью, считаемъ характерными національными отличіями и настойчиво требуемъ возврата къ прошлому...

Только параллельнымъ изученіемъ сѣверной и западной Русской исторіи мы можемъ всесторонне изслѣдовать сущность нашего національнаго начала, можемъ узнать какъ оно реагировалось на самыя разнообразныя вліянія. Исторія западной и юго-западной Руси не чуждая намъ исторія, и не исторія мѣстная, а исторія общерусская и ей довлѣють тѣ же права, что и исторіи сѣверно-русской. Не станемъ

же отдѣлять одной отъ другой и не будемъ вносить въ историческое изученіе нашего прошлаго той розни, отъ которой издревне страдаетъ великій Славянскій народъ».

Недавно того же вопроса коснулся Львовскій проф. М. А. Грушевскій, но съ совершенно другой точки зрѣнія. Въ своихъ статьяхъ Грушевскій притомъ полемизируетъ постоянно со мною-не по поводу мыслей, высказанныхъ мною печатно, а по поводу моего личнаго разговора съ нимъ относительно недавно поднятаго вопроса объ украинскихъ кафедрахъ въ нѣкоторыхъ университетахъ. Негласно (не называя меня) полемизируя со мной, г. Грушевскій съ одной стороны или оставляетъ безъ возраженія наиболѣе существенныя пункты моихъ положеній, другихъ касается лишь вскользь и къ тому же постоянно впадаетъ въ очень существенныя противорѣчія и, начавъ очень громко, идетъ затѣмъ на разныя уступки и компромиссы, сводящіе на нѣтъ его собственныя основныя положенія съ одной стороны,- а съ другой- доходить въ своихъ требованіяхъ до предложенія, заключающаго въ себѣ настоящее *contradictio in adjecto*, основанія чего то въ родѣ университета специально украинскихъ дисциплинъ.

Все это обязываетъ меня подвергнуть его взгляды основательной критикѣ. Оба мы какъ будто исходимъ изъ одной точки отправленія-мы сѣтуемъ на то, что въ общихъ курсахъ русской исторіи южно-русской исторіи отведено мѣста меньше, чѣмъ ей слѣдуетъ. Но въ дальнѣйшихъ выводахъ изъ констатированія этого факта мы расходимся радикально. Для меня, какъ это видно изъ моей печатной статьи, южно-русская исторія- часть общерусской исторіи- исторіи всего русскаго народа-и я требую ея изученія равномѣрнаго съ изученіемъ исторіи остальныхъ частей одного и того же народа, частей политически то соединенныхъ, то разъединенныхъ, но общихъ по духу; для г. Грушевскаго исторія Великорусская одна, южнорусская-другая-, а что касается западно-русской, то о ней онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, говоритъ очень глухо, не зная какъ къ ней отнестись-выдѣлить ли ее въ особый отдѣлъ, или пристегнуть къ одному изъ самостоятельныхъ отдѣловъ-великорусскому, или южнорусскому.

Г. Грушевскій такими словами опредѣляетъ обычную схему русской исторіи: Начинается она съ описанія до исторической восточной Европы, не славянской колонизаціи, разселенія славянъ, сформированія Кіевского государства (державы?); исторія доходитъ до второй половины XII вѣка, переходитъ затѣмъ къ великому княжеству Владимірскому, отъ него въ XII къ княжеству Московскому, слѣдитъ за исторіей Московскаго государства, затѣмъ имперіи, а изъ исторіи малорусскихъ и бѣлорусскихъ земель, оставшихся за границами Московскаго государства, иногда берутъ нѣкоторые болѣе важныя событія (княженіе Даніила, образованіе Литовскаго государства, унію съ Польшей, церковную унію, войны Хмельницкаго) иногда вовсе не берутъ, во всякомъ случаѣ съ присоединеніемъ къ русскому государству эти земли перестаютъ быть предметомъ ея исторіи.

Основаніе такой схемы, по мнѣнію Грушевскаго, очень старо-въ генеалогичной схемѣ старыхъ московскихъ книжниковъ; эта схема съ появленіемъ научной исторіографіи положена въ основу исторіи государства Россійскаго. Затѣмъ, когда центръ тяжести былъ перенесенъ на исторію народа и его культурной жизни, эту схему оставили въ главныхъ пунктахъ, только эпизоды(?) чѣмъ дальше, тѣмъ больше, стали отпадать. Эту же схему приняла исторія русскаго права въ своей простѣйшей формѣ, въ исторіи трехъ періодовъ, Кіевскаго, Московскаго, Императорскаго. По мнѣнію Грушевскаго нераціонально связывать исторію Кіевского государства съ исторіей Владиміро-Московскаго княжества XIII-XV вв., какъ стадій будто бы одного и того же политическаго и культурнаго процесса. Кіевская «держава» была твореніемъ одной народности (?), малорусской, Владиміро-Московская-другой-великорусской.

Кіевскій періодъ перешелъ въ Галицко-Владимірскій, а потомъ Литовско-Польскій. Онъ сравниваетъ отношенія Владиміро-Московскаго государства съ отношеніемъ Римскаго государства къ провинціямъ. Кіевское правительство пересадило въ великорусскія земли формы политическо-общественнаго устройства, право, культуру, выработанныя исторической жизнью Кіева, но на этомъ основаніи нельзя включать исторію Кіевского государства въ исторію великорусской народности. Этнографи-

ческая и историческая близость народовъ малорусскаго и великорусскаго не должны служить причиной ихъ смѣшенія (перемѣшуванья).. Они жили своею жизнью «по за своими стѣчностями, стричами». Вслѣдствіе включенія Кіевского періода въ исторію великорусскаго народа, и исторія великорусскаго народа, и малорусскаго, остаются безъ начала—не выяснена исторія образованія великорусской народности и остается представленіе, что исторія малорусскаго народа начинается съ XIV-XV вѣка, а передъ тѣмъ это общерусская исторія, а исторія малорусскаго народа появляется въ XIV-XV вѣкѣ, какъ нѣчто новое, какъ будто ея до того не было, или она не имѣла исторической жизни, и исторія малорусскаго народа состоитъ изъ какихъ то отрывковъ, не имѣющихъ между собою связи.

Еще худшую участь испытываетъ въ этой схемѣ народность бѣлорусская;—она совершенно пропадаетъ за исторіей государства Кіевского, Владиміро-Московского, даже Литовскаго, но г. Грушевскій тутъ же обмолвился замѣчаніемъ, совершенно справедливымъ, но вмѣстѣ и крайне губительнымъ для его предыдущихъ и послѣдующихъ критико-полемическихъ замѣчаній—сознаніе важности этого замѣчанія охладило бы въ значительной степени пылкость его возраженій и умѣрило бы и его запросы къ русской исторіи, г. Грушевскій замѣчаетъ, что хотя бѣлорусская народность и *не выступала нигдѣ въ исторіи, какъ элементъ творческій*, однако роль ея немаловажна—укажемъ хотя бы на ея значеніе въ созданіи великорусской народности, или въ исторіи великаго княжества Литовскаго, такъ какъ ей принадлежить культурная роль въ этомъ государствѣ.

Г. Грушевскій доказываетъ, что включеніемъ въ русскую исторію исторіи великаго княжества Литовскаго хотѣли исправить нецолноту, односторонность и традиционность ея схемы. Однако г. Грушевскій недоволенъ состояніемъ изученія Литовской исторіи (что впрочемъ прямого отношенія къ его темѣ не имѣетъ); Литовско-Русское государство не было однороднымъ тѣломъ; слѣдя за преемственностью старорусскаго права, игнорируютъ вліяніе Литовскаго элемента въ правѣ (замѣтимъ, что г. Грушевскій для иллюстраціи значенія Литовскаго элемента беретъ такой частный случай, какъ

институтъ Коймпяцевъ-незначительнаго по количеству разряда населенія, терминъ этотъ и его значеніе, къ слову сказать, былъ болѣе удовлетворительно объясненъ мною). Характерно опять и указаніе г. Грушевскаго, что малорусскія земли, за исключеніемъ Побужья и Пинщины, были довольно механически связаны съ Литовскимъ княжествомъ, стояли особнякомъ(?), и послѣ Люблинской уніи перешли въ составъ Польши; наоборотъ, бѣлорусскія земли были тѣсно связаны съ Литовскимъ княжествомъ, имѣя на него большое вліяніе въ смыслѣ общественно-политическомъ и культурномъ, и остались при немъ до конца (этого положенія, кстати сказать, мы совершенно не понимаемъ, такъ какъ по Люблинской уніи не только Малороссія, но Бѣлоруссія и Литва вошли въ составъ Польши; такимъ образомъ, исторія великаго княжества Литовскаго гораздо тѣснѣе связана съ народностью бѣлорусской, чѣмъ съ малорусской?)

Слѣдующее затѣмъ мѣсто въ статьѣ г. Грушевскаго настолько характерно по цѣлому ряду внутреннихъ противорѣчій, что я приведу его цѣликомъ. «Такимъ образомъ включеніе исторіи великаго княжества Литовскаго въ русскую исторію не замѣнитъ прагматическаго представленія исторіи народностей украинско-русской и бѣлорусской.

«Для историческаго представленія общественнаго и культурнаго процесса украинской русской народности достаточно обозначенія тѣхъ нѣсколькихъ моментовъ въ исторіи Литовско-Русскаго государства, которые имѣли для нея непосредственное значеніе. Больше изъ нея вошло бы въ исторію бѣлорусской народности, но въ цѣломъ включать исторію великаго княжества Литовскаго въ русскую исторію нѣтъ причинъ, если русская исторія не есть исторія Россіи, то есть исторія всего того, что нѣкогда совершалось на ея территоріи, и исторія всѣхъ народовъ и племенъ, которые ее заселяютъ (такой программы ея теперь, кажется, не ставитъ никто, хотя ее можно бы поставить), а исторія русскихъ народностей, или восточно-славянскихъ (употребляю иногда этотъ терминъ, чтобы избѣжать неясностей и спутанностей, которыя вытекаютъ изъ неодинаковаго употребленія слова-русскій»

Забѣгая нѣсколько впередъ, остановимся на разборѣ этой тирады. Г. Грушевскій, очевидно, не видитъ, въ какія

противорѣчія онъ впадаетъ. Онъ требуетъ отдѣльнаго изученія не государства, а народности, и народности, которая самостоятельнаго государственнаго значенія никогда не имѣла. Съ XIV вѣка часть южной Руси отходитъ къ Литвѣ, часть къ Польшѣ. Со второй половины XVI вѣка обѣ части уже входятъ въ составъ государства Польскаго, въ срединѣ XVII вѣка опять часть южнорусскихъ земель отходитъ къ Московскому государству, часть остается при Польскомъ государствѣ. Съ конца XVIII вѣка большая часть южной Руси отходитъ къ Россіи, часть къ Австріи. Такимъ образомъ, самостоятельнаго самоопредѣляющаго характера южныя земли никогда не имѣли (о древнемъ періодѣ скажемъ дальше). Это постоянно часть какого нибудь другого государства, ея политическая исторія опредѣляется тѣмъ центромъ, къ которому она примыкаетъ; ея внутренній строй сильно измѣняется, и не разъ, смотря по тому, какой центръ надъ ней господствуетъ;—то здѣсь вводятся порядки литовскіе, то польскіе, то русскіе. Тоже самое съ народностью бѣлорусской—она входитъ сначала въ составъ великаго княжества Литовскаго, затѣмъ Польши и наконецъ Россіи. Г. Грушевскій совершенно даже упраздняетъ исторію Литовскаго великаго княжества—если исторія Бѣлоруссіи предметъ отдѣльный, исторія Малороссіи такой же отдѣльный предметъ, то гдѣ же тогда Литовское княжество, включавшее въ себѣ обѣ эти части? Исходя изъ точки зрѣнія народности мы никакой исторіи, т. е. процесса движенія, развитія, не получимъ. Мы будемъ излагать исторію Литовскихъ племенъ за время ихъ самостоятельнаго развитія, дойдемъ до факта образованія обширнаго Литовско-русскаго государства, и здѣсь остановимся—такъ какъ затѣмъ изложеніе пойдетъ по исторіи народностей. То же будетъ и съ исторіей Московскаго государства. Исторія отдѣльныхъ ея частей будетъ предметъ особый. Гдѣ же здѣсь исторія? И съ другой стороны,—какъ возможно отдѣлить исторію отдѣльныхъ народностей отъ исторіи тѣхъ центровъ, къ которымъ они примкнули, и откуда получали директивы для своей политической и внутренней жизни? Гдѣ мы найдемъ центръ, около котораго будетъ вращаться изложеніе? Отдѣльныя части малорусскаго народа имѣли всегда особую политическую судьбу; онѣ никогда не были связаны

между собою, не связаны и теперь, такъ какъ часть малорусскаго народа живеть въ Россіи, другая въ Австріи и, такимъ образомъ, исторія отдѣльныхъ частей малорусскаго народа-только провинціальная исторія-разъ исторія провинціальная-Литовскаго княжества, затѣмъ Польскаго, Русскаго, Австрійскаго. Для г. Грушевскаго, какъ для нашихъ старыхъ славянофиловъ-государство само по себѣ, а народъ самъ по себѣ-старая наивная точка зрѣнія, по которой правительство смѣшивалось съ государствомъ.

По мнѣнію г. Грушевскаго исторія государственныхъ организацій играетъ еще слишкомъ большую роль въ представленіи русской исторіи, или исторіи восточнаго славянства. Онъ говоритъ, что въ теоріи давно признается, что центръ тяжести долженъ быть перенесенъ съ исторіи государства на исторію народа, общества. Но изъ этихъ словъ видно, что проф. Грушевскій подъ государствомъ очевидно понимаетъ только политическую организацію—а развѣ мыслимо государство безъ народа? Если государство есть общественный союзъ, преслѣдующій цѣль общаго блага, то исторія государства есть исторія всего развитія этого союза—и нѣтъ ничего въ исторіи народовъ, составляющихъ такой союзъ, что должно было бы отпасть изъ изложенія—возможно развѣ отдѣлить внутреннюю исторію народа, какъ нѣчто отдѣльное? Исторія государства есть исторія внѣшняя и внутренняя общественнаго союза, такъ какъ онѣ взаимно опредѣляются. Мы имѣемъ передъ собою теперь реальный фактъ—обширный общественный союзъ, именуемый русскимъ государствомъ, нѣчто цѣлое, отдѣльное, особое, и мы должны изучать исторію этого факта, явленія, задача историка рассказать, какъ произошло это явленіе, какимъ путемъ сложился этотъ организмъ—ибо это организмъ общественный, подобный цѣлому ряду такихъ же организмовъ, намъ извѣстныхъ (государства: Французское, Англійское, Итальянское). Элементы государства—территорія, населеніе и власть. Задача историка—изучать взаимодействіе этихъ элементовъ. Качественъ и количествомъ территоріи, качественъ и количествомъ населенія опредѣляется и судьба государства. Историкъ обязанъ конечно оцѣнить значеніе всѣхъ важныхъ агентовъ созданія общественнаго союза и указать, какіе играли большую, какіе меньшую творческую роль въ этомъ

созданіи. Не вина историка, если изучая, напримѣръ, субстратъ государства,—населеніе, онъ находитъ, что одни части его сыграли безмѣрно большую роль въ этомъ творчествѣ, чѣмъ другіе. Г. Грушевскій полагаетъ, что *государство* имѣло изъ всѣхъ восточныхъ славянскихъ народовъ наибольшее значеніе у народности великорусской (при чемъ дѣлаетъ странное примѣчаніе—за границами національнаго владѣнія Московскаго государства видимъ такія сильныя явленія, какъ вѣчевую жизнь новгородско-псковскую—г. Грушевскій забываетъ, что Новгородъ тоже былъ государствомъ въ свое время). Украинно-русская народность, говоритъ г. Грушевскій, рядъ столѣтій живетъ безъ національнаго государства, подъ вліяніемъ разныхъ государственныхъ организацій—эти вліянія на ея національную жизнь должны быть обозначены, но политическій факторъ сходитъ въ ея исторіи въ эти безгосударственные столѣтія на побочную роль при фактахъ экономическихъ, культурныхъ и національных. Для бѣлорускаго народа великорусское государство становится историческимъ фактомъ только съ 1772 года, для Украины столѣтіемъ раньше, но только одной стороною. То исключительное значеніе, какое имѣла исторія великорускаго государства въ теперешней схемѣ русской исторіи, явилось результатомъ подмѣны исторіи русскаго народа (въ значеніи русскихъ восточныхъ славянскихъ народностей), понятіемъ исторіи великорускаго народа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ маститый южно-русскій ученый, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Малороссіи, профессоръ, В. Б. Антоновичъ, изучая исторію казачества, впервые съ грустью высказалъ ту мысль, что малороссы не могли въ XVII вѣкѣ создать государства, потому что они народъ не государственный, не способный на созданіе государства. Антоновичъ, конечно, подразумѣвалъ подъ государствомъ организацію политическую. Г. Грушевскій соглашается, что политическая государственная жизнь агентъ важный, но помимо нея существуютъ и другіе агенты—экономическій, культурный, которые имѣли иногда меньше, иногда больше, значенія, чѣмъ агентъ политическій, но которые не должны оставаться въ тѣни за этимъ агентомъ. Но огромное значеніе государственнаго элемента не достаточно ясно для г. Грушев-

скаго. Для самостоятельнаго культурнаго развитія государственные элементы имѣютъ довлѣющее значеніе. Намъ указываютъ на примѣры другихъ славянскихъ народовъ, которые возродились, хотя и не составляютъ отдѣльнаго политическаго тѣла. Но въ данномъ случаѣ упускаютъ изъ виду два важнѣйшихъ обстоятельства—возродились народы, имѣвшіе нѣкогда политическую особность (Чехи), и народы, живущіе подѣ властью чужого иноплеменнаго народа. Иное дѣло, когда народы такъ близки, какъ польскій и русскій, а тѣмъ болѣе, когда они только вѣтви одного общаго племени, какъ малороссы и великороссы. Сознаніе общности происхожденія, одна и та же религія, отсутствіе естественныхъ границъ, незамѣтность переходовъ бытового уклада—не могутъ питать чувства стремленія къ отдѣльности, такъ, какъ они питаются подѣ властью иноплеменниковъ. Въ XVII столѣтіи Малороссія, увидавъ невозможность существовать отдѣльной политической единицей, отвергаетъ мысль о подданствѣ Турецкому султану, какъ басурману, хотя это подданство могло произойти на условіяхъ однихъ формальныхъ вассальныхъ отношеній, и поддается московскому царю—какъ русскому, земляку и православному.

Отсутствіе самостоятельной политической организаціи огромной силы тормазъ для самостоятельнаго культурнаго развитія—рано или поздно должны наступить централизація и культурная нивеллировка—менѣе устойчивыя части и въ культурномъ отношеніи—если они и имѣли самостоятельную культуру,—подпадутъ вліянію частей болѣе устойчивыхъ, болѣе энергичныхъ, болѣе творческихъ.

Такъ было всегда въ Малороссіи—гдѣ помимо указанныхъ причинъ играла очень большую роль впечатлительность и воспріимчивость національнаго характера. *Собственной оригинальной самостоятельной культуры Малороссія никогда не имѣла*, она подчинялась то вліянію культуры польской, то культуры великорусской. Можно, конечно, сожалѣть о такомъ отсутствіи культурной самостоятельности, можно желать ея созданія, но нельзя не признать этого отсутствія, какъ факта прошлаго и настоящаго. Для меня, какъ малоросса, этотъ фактъ можетъ быть не менѣе тяжелъ, чѣмъ для г. Грушевскаго—но я не закрываю на него глаза, я

пытаюсь его объяснить, и я нахожу известное утѣшеніе, возмездіе, именно въ томъ, что такъ претитъ г. Грушевскому— *въ государство*. Когда складывается государство—общественный союзъ—отдѣльными его части, волею-неволей, сознательно или путемъ принужденія, принимаютъ участіе въ его созидательной работѣ. Для нѣкоторыхъ образованіе государства есть процессъ разрушительный—однѣ части лишаются самостоятельности и подчиняются другимъ. Но государственный процессъ не только разрушительный, но и созидательный. Съ развитіемъ народнаго самосознанія всѣ отдѣльныя части государства начинаютъ работать совмѣстно для одной общей цѣли,— и вотъ характерная черта нашего времени—въ тотъ моментъ, когда появляется надежда на возможность такой совмѣстной работы на началахъ свободныхъ, на прекращеніе страднаго характера работы однихъ для другихъ—насъ призываютъ къ старымъ счетамъ, старымъ процессамъ, старой семейной враждѣ и раздорамъ. Можетъ быть, психологически это и понятно, но, право, сильно отзывается Чеховскимъ «Предложеніемъ».

Г. Грушевскій, кажется, полагаетъ, что то особенное вниманіе, которое историки наши даютъ исторіи великорусскаго государства, есть злой умыселъ, бюрократическая интрига—подмѣна понятія русскаго народа понятіемъ великорусскаго. Но г. Грушевскій въ своемъ увлеченіи узко національными симпатіями не хочетъ понять того, что историкъ познаетъ настоящее изученіемъ прошлаго, и если найдетъ въ немъ агентъ большой творческой силы, то естественно на немъ сосредоточить свое вниманіе, а и онъ спорить не будетъ, что творческимъ агентомъ въ созданіи современнаго русскаго государства, какъ цѣлой единицы, была преимущественно народность великорусская. А разъ оттуда шла инициатива созданія государства (въ широкомъ смыслѣ слова), то центромъ историческаго изложенія (а какой нибудь центръ долженъ же быть въ историческомъ изложеніи) въ русской исторіи будетъ—процессъ созданія государства (въ широкомъ смыслѣ); не наша вина, что инициатива этого созданія шла изъ Велико-россіи, а не изъ Малороссіи или Бѣлороссіи. Намъ, можетъ быть, обидно за нашихъ предковъ, но прошлаго не передѣлаешь; и такое вниманіе къ великорусской исторіи съ научной точки зрѣнія вполне законно.